

Владимир Колотенко

ОЖИДАНИЕ ПЕНЕЛОПЫ

... - завтра, - орет он в трубку, задыхаясь от радости, - завтра вылетаем!.. Знаешь, что я тебе купил?

- Ты купил?..

- Последний рейс, - орет он, - из Шереметьево!..

- Не ори ты так! Ты с ума сошел?

- Да!.. Да!.. Да-да-да!..

- Что ты мне купил?

У нее четвертого день рождения.

- Это сюрприз...

Пусть она знает, что ради нее он готов...

Конец июня, жара адская!.. Скоро четвертое...

Они давно планировали уехать из душной Москвы куда-нибудь к морю. Этот чертов проект его замордовал и держал, как капкан. И вот час тому назад ему удалось уговорить этих туповатых бразильцев. Они тотчас пригласили его в свое Рио.

- Вы увидите рай!.. Вы бывали в Рио? Нет?!.. Вы не жили... (На испанском или какой у них там?)

Можно было бы и в Рио, но там ведь эти вечно улыбающиеся радушные зазывалы в сомбре-ро затаскают по своим карнавалам, затискают... От них и тут жизни нет!

- Я не готова никуда лететь, ты же знаешь...

- Я тебя подготовлю...

Средиземноморский круиз, надеялся он, сблизит их, наконец, и положит конец всем недомолвкам. Ах, если бы она могла только знать, какой он преподнесет ей подарок!

В Афинах она успела на часок затащить его в музей Акрополя.

- Смотри – это та самая Ника! Развязывающая сандалию. Чудо, правда? Мне всегда казалось, что на ней не эта тонкая туника, а свадебное платье... Тебе не кажется?..

В Никосию они прилетели, когда солнце уже скрылось за горизонтом. Здесь жара была не так жестока. И пока добрались до гостиницы, уже совсем стемнело.

Спали мертвыми...

Зато утро пришло золотое.

- Настенька, славная моя, поздравляю тебя...

- Ах, Андрей!.. Ты не можешь без своих сюрпризов...

- Не могу без тебя...

- Дай проснуться...

Первый такой день всегда падает в пропасть чудес: ой, а это что? А это, смотри!.. Собственно,

ей тут все до боли знакомо, и этот его сюрприз – она с детства здесь не была – вызвал у нее поток слез.

Ах, ты моя островитянка!..

Боже, как все здесь изменилось! Сколько ж лет-то прошло?..

После праздничного и нешумного ужина тет-а-тет они снова бродили...

- Спасибо тебе, милый, знаешь, ты так угодил...

- Я сперва хотел подарить тебе Рио, а потом вдруг вспомнил: остров! Остров!.. Ты просто бредила своим островом...

- Да!..

Придя в номер, он тотчас полез в сумку.

- Вот... это тебе...

- что это?

- Посмотри, раскрой же!

- Какое колечко! Ах, ты мой... Слушай!.. Это же!..

Он ждал этой ночи, как узник свободы...

- Ты делаешь мне предложение?

- Да, будь так добра...

- А там что, в коробках?

- Сюрприз...

С тех пор, как они познакомились, прошла тысяча дней. Он ни разу к ней не прикоснулся. Разве что прогулки рука в руке. Поцелуй... Разве что в щечку.

Ей к тому времени было уже девятнадцать, исполнилось в июле, четвертого...

И вот здесь, теперь... Он любил мечтать...

- Ой, у меня кружится голова...

- Ты примерь, хочешь?

- Очень!..

- Поцелуй меня.

- Ладно...

Она чмокнула его в щечку.

- Примерять будешь?

- Даже не знаю.

Она надела на палец колечко: как раз впору!

- Как ты узнал мой размер?

- Хм!!! Ну иди же ко мне.

- Не сегодня, ладно?

Он как-то кисло улыбнулся и сглотнул слюну.

- Не сердись, а? Хочешь, я расскажу тебе легенду?..

- Ты же знаешь, чего я хочу.

- Вот послушай...

Он слушать не хотел. Какие легенды?!!

- Ты пойми, - остановила она его, - я жду...

Они познакомились в вагоне метро. Он уже сто лет не ездил в подземке, но в тот день... Да, что-то там не сложилось с машиной, дикие пробки, он мчался на свидание с Ингой... Он просто бросил машину посреди дороги и сначала бежал... Затем нырнул в зев подземки, лихорадочно соображая, что если одну остановку проехать до Кировской, там – рукой подать до... Там ждала его Инга... Ингу он любил без памяти и боялся не успеть...

Был как раз час пик – сумасшедшая давка. Вагон – бочка! Ему удалось втиснуться... Как-то задом, бочком...

Вагон – бочка с тюлькой!..

- Вы выходите?

Он же только зашел!

- Разрешите...

Он не мог даже оглянуться. Потом-таки развернулся: глаза!!! Это был такой удар по глазам, что он даже прикрылся свободной рукой. Он увидел глаза, которые смотрели на него снизу вверх и рука его, до сих пор искавшая поручень, просто рухнула, как Дамоклов меч. На его же голову! Поезд шел, вагон покачивало из стороны в сторону, и они качались вместе с вагоном. Стиснутые безжалостной толпой и, как потом оказалось, самой судьбой, прижатые друг к другу лицом к лицу, как Ромео с Джульеттой, лишь мгновение они смотрели друг другу в глаза. Ах, какие это были глаза! Звон ненависти исторгали ее зрачки, а белки просто слепили! Только миг! Но этого мига с лихвой хватило, чтобы сразить наповал. Его мечта безвольно лежала теперь на его же голове, и было ясно, что он, этот меч, не поднимется ни на какую защиту. Зато колом встал вопрос: ты убит?! Ответа не требовалось: в глазах случилось вдруг

затемнение и они поплыли, дернулся безвольно кадык, а ноги - горели жаром. Он впервые тогда узнал, что такое пожар тел. Горели не только ноги – грудь, живот и особенно его низ... Там такое творилось! Он никогда в жизни не знал, что такое бывает! И она, вот что важно, ни единым движением не противилась. Ничему! Она так и не выставила перед собой рук, как это делают, изолируясь от толпы. Ее защитный кокон был разрушен его вторжением, и она сначала была бешено этим возмущена. А какие молнии ненависти метали ее глаза! Между ними была только его белая шведка с оторванной пуговицей на животе и ее коротенькая прозрачная блузка, которая ну никак не прятала ее пупок... Он не мог видеть этот пупок, он чувствовал его собственной кожей. Ее кожу у ее же пупка...

- Извините... такая давка...

Она даже не подняла глаз.

Выходя из вагона, он предложил ей руку, и она подала свою. До своей станции, где ждала его Инга, он, конечно же, не доехал. А как бы он смог?!. Ведь его просто вынесло из вагона! Они стояли на эскалаторе, он не выпускал ее руку. Она подняла глаза:

- Меня ждут, - сказала она и высвободила руку.

Он только пожал плечами.

- Мне туда, - сказала она, сворачивая в переход.

Он шел рядом.

- Пить хочется, угости меня чем-нибудь... Вон хоть этим, смотри - «Слезы Пенелопы».

Они пили какую-то шипучку, он смотрел на нее, а она рассматривала снующих в обе стороны людей.

- Не провожай меня, - сказала она, когда они вышли из здания станции.

- Конечно, - сказал он и попробовал улыбнуться.

Она успела пройти лишь несколько шагов, когда он догнал ее:

- На. Позвони... Как тебя зовут?

Он протянул ей визитку. Она прочитала.

- О, кей! - сказала она, - Анастасия...

И пошла, не оглядываясь.

«Настя! Как пощечина!», подумал он.

- Позвонишь? - крикнул он ей вдогонку.

Она сделала вид, что оглохла.

Он не стал искать Ингу. Она тоже обиделась.

А Настя позвонила на третий день.

- Привет, это я...

Он был на седьмом небе от счастья. Хорошо, что к Инге тогда опоздал.

Потом были прекрасные дни. Иногда он вдруг замечал в ее черных, как южная ночь, дивных глазах тень печали.

- Что-то случилось?

- Нет! - радостно объявляла она, но глаза выдавали грусть.

Она затаскала его по выставкам и музеям. В греческом зале она просто млела. У нее разбежались глаза:

- А вот, ты только глянь!..

Он смотрел на мраморный кусок чьей-то ноги (камень, как камень), затем на какие-то черепки с полуголыми атлетами на колесницах, тела без голов или с откушенными временем носами... Она вся дрожала.

- Ага, вот... Ты только посмотри!..

Он кивал и глубокомысленно молчал, слушая ее короткие пояснения.

- А у нас там, дома... Ой, знаешь...

Оказалось - она гречанка, дочь Эллады...

Ему пришла в голову мысль: он недавно читал Дюрренматта, как «Грек ищет гречанку». Ну так, ничего особенного. Все когда-то кого-то ищут. Бывает, что и находят. Но не всегда. Он считал, что ему повезло: он нашел ее, свою гречанку, хотя никакой он не грек. И не турок - москвич.

- Как-нибудь я тебе расскажу, - сказала она.

- Ладно.

- Хочешь - даже сейчас...

- Если хочешь...

Время шло... И они, казалось, не могли налюбоваться друг другом.

Ингу он забыл.

И вот опять этот долгожданный день: июль, жара, и ее четвертое... День рождения!

Ей уже двадцать. Завтра. А сегодня... Он решил, что встреча с Кипром, ее родиной, будет самым лучшим подарком. И вот там-то... А где же еще?! Ей просто некуда будет прятаться...

Она был вне себя от радости: родина!.. У нее не просыхали глаза. Теперь она таскала его по Кипру, как по собственной квартире.

- А вон там был наш старый кипарис... И его спилили...

И глаза ее тут же слезились.

Два дня они просто валились с ног.

- Слушай, я хочу тебе рассказать...

- Давай завтра...

- А что там у тебя в коробках?

- Сюрприз.

- Еще один?

- Да.

На третий день к ночи он просто выбился из сил... Терпение ему изменило, и он решился на крутую атаку.

- Нет, - сказала она, - давай завтра... Хочешь я расскажу тебе историю Трои...

- Я прогуляюсь, - сказал он, оделся и вышел.

Прогулки на морском трамвайчике на почти безлюдных островах приводили ее в восторг.

Безлюдье ей нравилось.

Ей нравились воспоминания о своем детстве.

Она закрывала глаза и неподвижно сидела часами. Или лежала, вытянув свои красивые ровные длинные ноги. Как в летаргическом сне. Потом вдруг вскакивала:

- Бежим!

- Куда?

Он едва за ней поспевал. Его поражало, как она прыгала с камня на камень, как горная козочка, тонкое платьице трепетало на ней, как флажок на ветру, а глаза горели...

- Настя, подожди...

- Догоняй!..

Она резвилась, смеялась и прыгала, белотелая бестия с фиолетовой золотой рыбкой на левом плече... Потом вдруг грустнела - чернее тучи...

И потом усаживалась на теплый камень, обняв ноги руками, и думала-думала, сама себе улыбаясь и хлопая длинными влажными ресницами. Когда скупая слеза ползла по щеке, она слизывала ее розовым язычком.

- Почему ты плачешь?

Она не могла вымолвить слова, только время от времени глотала слезы.

- Хочешь, я тебе расскажу...

О чем таком невероятном она хотела ему поведать?

- Понимаешь, я...

- Ты словно чего-то ждешь?

- Да! - радовалась она, - ты меня понимаешь?

Он кивнул. Но отказывался понимать.

- Идем уже...

- Давай еще посидим...

- Поздно...

Однажды она начала рассказывать какую-то историю, но слезы задушили рассказ.

Новый день приносил новые впечатления. Конечно же, она была бесконечно благодарна ему за такой подарок!

- Спасибо тебе... Ты прости меня...

- Да ну... Что ты...

Она чувствовала себя перед ним виноватой. В чем?

- А знаешь, бывает, что к берегу здесь прибывает тихой волной целую амфору, а в ней зерна, представляешь, которым тысячи лет. Брось его

и оно прорастет! Возможно, они слышали звуки арфы, на которой играл сам Орфей... Хочешь, я расскажу тебе одну легенду?

Прошло уже дней пять или шесть. Его заветная мечта – добиться ее, овладеть ею, взять – пока оставалась мечтой. Это злило его, но он понимал, что выбора у него нет: не будет же он брать ее силой.

- Это было миллион лет назад... Так давно, что никто не знает когда...

Она уже несколько раз начинала свой рассказ, затем вдруг прерывала и сидела в задумчивости. И ему приходилось слушать стрекот цикад.

-...юношу звали Аристо, он был златокудр, белолиц и голубоглаз... Вот как ты...

Господи, сколько этих легенд сидит в этой маленькой красивой головке, думал он.

Он притворялся, что слушал, а сам думал, как бы к ней подобраться поближе.

Каждый вечер она начинала свой рассказ снова и снова, и дошло уже до того, что он просто вскакивал и убегал в ночь. Она оставалась в номере, и когда он возвращался, уже спала. Он даже стал приглядываться к бутылке. Чтоб хоть как-то уснуть.

В Кирении ему удалось задать свой вопрос:

- Мы хоть сегодня ляжем пораньше?

Она посмотрела на него и промолчала, затем произнесла:

- Ты же не хочешь меня слушать. Ты просто не слышишь меня. Пойми...

Он не хотел уже ни ждать, ни понимать.

- Я хочу рассказать тебе прежде..

Он решил ей все высказать: может, это поможет? Что-то говорил, говорил...

- Ты каждый день меня кормишь этими тысячелетними зернами.

Потом согласился:

- Ладно, давай рассказывай про своего златокудрого юношу...

- Правда?! Он похож на тебя, только...

- Что?

- Слушай же... Ты сегодня, как Аполлон Бельведерский. Я люблю его очень! А ты?

Она посмотрела на него, он улыбнулся. Он никогда к мужчинам никакой любви не испытывал, даже к таким красавцам, как сам Аполлон.

Был тихий прохладный вечер. Она сидела на постели, укутав себя простыней, обхватив руками колени и задумчиво смотрела в открытое окно на темнеющее на глазах море.

- Как-то к берегу, - начала она, - прибило волной ту самую амфору... Ни единой трещинки, ни щербинки... Она была цела-целехонька... Только вход в нее был накрепко запечатан золотой фольгой. Ты мня слушаешь?...

Он кивнул.

- Тонюсенькой такой, как высушенный листик фиалки. Ты засушивал в детстве цветы?

- Никогда. У меня был свой танк! На колесах, правда...

- В те времена золото было еще большой редкостью, и стоило баснословных денег.

- Денег тогда еще не было.

- Не было, верно, но золото было на вес золота, понимаешь?

Она посмотрела на него и улыбнулась. Он кивнул: понимаю.

- Нашел ее юноша, - продолжала она, - ту самую амфору... Взял ее бережно в руки и оглянулся – на берегу никого. Фольга так сверкнула в глаза, что он чуть не выронил амфору. Боль молнией пронеслась по телу. Юноша, его звали Аристо, резко поднял ее над головой и хотел разнести вдребезги... «Не разбивай ее». Аристо оглянулся – никого рядом не было. Кто это, чей это голос?! Вдруг его осенило: с ним говорил его Бог. Он даже вжал голову в плечи. «Слушай же, - сказал Бог, - если ты ее разобьешь, ни одно зернышко из нее не прорастет. Ее нужно ласково распечатывать. Ты меня понимаешь?». Аристо кивнул. «И не торопись – нежно, ласково... Это – печать Бога». Аристо кивнул. Трепетно и как только мог нежно и ласково он прикоснулся к фольге и она сама потянулась навстречу его ласке и нежности, и на его же глазах превратилась в золотое облачко, которое золотым дождиком оросило вокруг него пересохшую землю. Несколько капель попало ему на губы, и он их слизнул сухим языком. Он никогда такого вкуса не знал. Аристо перевернул амфору, и на его влажную ладонь упало зерно. Единственное! О каких же зернах говорил ему его Бог? «Тебе повезло». Аристо снова услышал Бога. «Это очень редкий подарок мой, я дарю его только достойным. Брось зерно в орошенную землю...». Аристо так и сделал. «Приходи теперь сюда завтра» - сказал Бог.

- Ясно, ясно, - сказал Андрей, - зерно проросло...

Она замолчала.

- Ну и что там потом? – нетерпеливо спросил он. Она не ответила.

Наступила тишина.

- Все? - спросил он.

Она не ответила. Он понимал, что своим нетерпением просто затыкает ей рот, но и держать себя в узде ожидания конца этой басни не собирался. А она снова забралась в свой кокон молчания. Пришла ночь, и она рано уснула.

В Новом Пафосе она просветила его в походах самого Александра Великого.

- И тогда он силой взял ее в жены. Он, правда, спал со всеми подряд, но по-настоящему любил только ее.

- Откуда ты знаешь?

- Знаю.

Он только пожал плечами: знаешь и знай себе.

А в Миносе она проповедовала ему культ Быка.

- Представляешь погибла целая цивилизация... Это покруче твоей Этны.

Он согласно кивал.

- Я вообще-то Крит не очень люблю, тут как-то пыльно, сухо, жарко и голо... Вот у нас там...

Большого счастья, чем бродить по истории своей родины, она и знать не хотела! А тут еще – его предложение! И ему было лестно слышать

так часто произносимое ею: «Я тебе так благодарна!».

Километрах в тридцати от Ларнаки ей вдруг вздумалось забраться на самую высокую гору. Он, пыхтя, лез за ней. У стен монастыря Ставровуни она отдышалась и потом вдруг запела.

Он никогда прежде не слышал, как она пела. Это было прекрасно.

Ему показалось, что пела сирена: он просто терял сознание, и у него слипались глаза.

- Вот точно также ждала его и Пенелопа, - сказала она.

- Кого?

- Единственного...

Она произнесла это просто, затем продолжала:

- Этот монастырь построили по приказу Елены, матери императора Константина, той самой, кто подарила ему кусочек чудотворного креста, на котором был распят сам Иисус... Ты любишь Иисуса?

Он промолчал.

- Говорят, кто к нему прикасался, тот сам мог сотворить себе чудо.

- К Иисусу?

- К кресту.

- Слушай...

- Что?

- Ничего...

У него просто не было слов. Еще день пропал. Затем она долго по-гречески говорила с каким-то отшельником. Он стоял рядом, ждал, ни слова не понимая. Он только видел, как этот хилый уродец заглядывался на ее почти не прикрытую грудь и время от времени рылся под своей драгой накидкой в своем поганом паху.

- Ты говоришь по-гречески? - спросил он, когда они уже спускались вниз.

- Пф!.. По-английски, немецки, испански, французски и итальянски... И даже, представь себе, по-турецки... Qudusque tandem! До каких же пор, наконец! Это итальянский, Цицерон против Катилины. Или вот: *Lascia le donne e studia la matematica*, что значит: брось женщин и займись математикой! Это тоже по-итальянски.

Он не понимал: это был намек?

От этого ее «пф!» его кожа бралась пупырышками.

- Ты весь дрожишь...

Он не мог держать себя в руках, злился, сам не понимая причины. Или понимая...

- Не злись, - говорила она, - ну, пожалуйста...

- Я в отчаянии...

- Ну что ты! Хочешь, я тебе доскажу про ту...

- Я уже знаю каждое твое слово про твою амфору.

- Ты не знаешь конца.

- Конец у всех одинаковый. И я чувствую, что и мой приближается.

- Ну, пожалуйста, не говори так... Идем лучше я покажу тебе чудо!

Они возвращались в гостиницу поздно вечером. Он был чуть живой, а она никогда не уставала. И откуда, удивлялся он, в этом маленьком

хрупком изящном тельце столько неутомимой прыти?

- Хорошо, я расскажу тебе, чем все там кончилось.

Ему некуда было деваться. Она призадумалась и продолжала:

- Аристо не мог дожждаться утра, и уже с первыми лучами помчался к тому месту, где упало зерно. И, о Боже! Перед ним стояла распрелестная красавица, черноглазая, белолицая, тонконогая, и лишь легкая прозрачная белая туника прикрывала одно плечо, а второе - сияло своей белизной и атласностью... Она была, знаешь, ну прям... вся такая... Глаз не отвести...

- Такая как ты...

- Да. Как я... Точь-в-точь... Тебе нравится?

- Что?

- Легенда.

- Ты - да! - сказал он и потянулся к ней рукой. А она только убрала плечо. Наступила тишина.

- Все? - спросил потом он.

Она не ответила.

На седьмой день он раскрыл коробки и, пока она спала, положил рядом с ней ее свадебное платье. Этой уловкой он хотел положить край всем страданиям юного Вертера. У него, считал он, это был последний шанс. И сколько же можно водить его за нос?!

Он дождался, когда она откроет глаза.

- Привет...

Она улыбнулась ему своей славной улыбкой.

- Ой! Что это?

Теперь улыбался он.

- Вот! Твое платье, - сказал он и торжественно добавил, - свадебное...

- Ой! Правда?!!

Конечно же, она была ошеломлена!

- Милый Андрей, я так рада! Слушай, ты у меня просто прелесть!.. Ну, ты просто... знаешь!.. Господи, красота-то какая!.. Это мне?

- Кому же еще?

- И фата?

- А то!!!

Ну, теперь-то ты что мне скажешь? Только вздумай меня отпихнуть!

- Я так рада! А ты?

- Хм!..

- Ты делаешь мне еще одно предложение?

Он чувствовал себя живым Аполлоном Бельведерским.

- Хочешь, я за это тебе расскажу...

О, мой Бог!!!

- Собственно, ты уже все знаешь. И знаешь, чем там все кончилось?

- Ясно чем: они поженились.

- Они долго жили и умерли в один час.

- В один день!

- И час...

Она все еще лежала с закрытыми глазами, ее свадебное платье лежало рядом...

- Хочешь примерить? - спросил он.

- Не сегодня...

У него задрожали руки.

- Я пойду, пройдуся, - сказал он.

- Как хочешь, - сказала она.

Прошел еще один день... Он считал – пропал! Он был в полном отчаянии: что такое он должен сделать, чтобы она забыла про свою амфору и своего Аристо? Как выбить из ее умной головки эту дикую блажь? Он не понимал, как можно так долго жить какой-то воздушной иллюзией!

После обеда она прилегла, а он ушел к морю. И сидел там в раздумьи, слушая шелест волн.

Только к вечеру он вернулся в номер. Он был пуст.

- Эй, ты где?

Он нашел ее на берегу. Она сидела на том самом камне, где вчера она пела, и казалась статуей. Слабый ветерок шевелил ее черные волосы, и казалось, что эта черная статуя оживала. Было так тихо, что слышно было, как о чем-то своем перешептываются даже камни.

Она тоже не пела. И казалось, что это она говорит с камнями.

- Что ты делаешь?

- Тише, пожалуйста...

Он присел рядом и ждал, пока они наговорятся. Но она теперь только слушала.

- Ты меня так и не расслышал, - сказала она и взяла его руку.

Весь вечер они молчали, и он не осмелился ничего предпринимать. А наутро вдруг заявил:

- Завтра вылетаем...

- Правда?

Она даже обрадовалась.

- Какой же ты у меня молодец! Я бы не дожидалась до конца...

Он отказывался ее понимать!

- Я должна тебе все рассказать, - сказала она, - ты поймешь... ты же умница!

И впервые за вечер тепло улыбнулась ему.

- Ты послушаешь?

- Хорошо...

Она долго думала, прежде чем начать. День угасал. Они лежали рядом в траве.

- Знаешь... любовь...

Она сказала только эти два слова и снова умокла.

- А ты знаешь, что такое любовь? – вдруг спросила она.

- Я тебя люблю!..

- Ты потерпи, это пройдет...

Она произнесла это едва слышно. И добавила:

- Ты - милый... Это – славно... Ну, слушай же, слушай...

Она еще помолчала секунду, затем:

- В детстве я любила бродить одна вот по этим тропинкам... Как козочка, да... Я люблю одиночество... В нем там, как в раю... Было детство, красивое, праздничное... Я ж гречанка, ты знаешь... Я привыкла всегда быть одна, хоть любила родителей... И люблю... Там, в том детстве я каждый день ждала чуда, там все его ждут, верно?..

Она помолчала секунду, затем:

- Он был лет на пять старше меня... Мы любили взбираться вон на ту самую гору... И мечтать... Ты же любишь мечтать? Мы мечтали, что когда подрастем... мне было только семь, он был старше, вихрастый... Мы мечтали, когда и я вырасту - убежать... Найти совсем маленький островок и там жить... Представляешь? Ты не знаешь, какое это счастье!.. Там, на том островке... Мы – знали... Мы ведь сами его создавали и уже лелеяли... Понимаешь?.. Он уехал с родителями на следующий год, и я вырасти не успела... И вон на той самой скале поклялись... что вернемся, и он тоже клялся... Это... Это как... Клятва детства – это ж на века... Ты пойми... Я ждала... Потом выросла... Мне было уже пятнадцать, и я была совсем взрослая, он – не возвращался...

Я забила в трюм какого-то большого белого лайнера и уплыла. Я хотела его найти. Где? Я не знала. Я молила Бога помочь, Он был глух. Я и уехала отсюда. Я его не нашла... Потом, уже в Москве я узнала, что он в Англии, жив-здоров... Ну, да ладно... Вот такая история... Грустная... Правда? Ты прости... Его звали Гермес... Как того Бога...

Потом они шли, рука в руке, и молчали...

- Ты только не жалеяй меня, ладно?

Он не знал, что ответить, только крепче сжал ее пальцы. Ревновал ли? Пожалуй...

На следующий день они так и не уехали. Она, козочка, снова бегала по своим любимым тропинкам, смеясь и радуясь, тонконогая, белотелая, он не мог на нее насмотреться: за что ему это счастье?

Лицо ее уже взялось румянцем – солнце здесь безжалостно!

- Платье ты хоть примеришь? – спросил он, когда они вернулись в номер.

- Да! Мне нравится! Этот шлейф, представляешь?!! А какая фата!.. Господи, какой же ты у меня!.. Я так рада тебе!.. Всегда, знаешь...

Лед растаял...

Да, и фата, и платье... А какой пышный и роскошный шлейф!

Королева!

На выданье...

И какие глазищи!..

Это была последняя ночь.

Они уже улеглись, прижимаясь друг к другу, и она, уже засыпая шепнула:

- Ты – самый лучший... Обними меня...

Он прижался... Они были совсем голенькие... Как дети.

- Нет-нет, - сказала она, - не сегодня...

И уже задышала, как дышат спящие.

Он не шевелился. Эта длительная осада привела его в бешенство. Она извела его обещаниями. Боясь ее разбудить, он лежал без единого движения, только мозг его гневно работал. Там кипела смола, нет, чугун! Да, чугун! Череп был мартеновской печью, а чугун аж пузырился. Но весь стон его был в животе, в самом-самом его низу, да, аж там! Там - звенело! И вот это кипе-

ние черепа и вот этот-то стон со всем этим звоном и стали вдруг вместе дружить. Нет, нет в мире силы, способной унять этот союз черта с дьяволом!..

Тихо-тихо, как только можно более тихо он стал пробираться своим стоном в ее святая святых. Она тихо посапывала. Потихонечку, ну вот так, вот еще, хоть на гран, хоть на чуточку... Да, прекрасненько... Все, казалось, у него получалось... Как по маслу! Но вдруг... Что такое?.. Он напрягся, она шевельнулась... Он затих... И потом снова, и снова... Что такое?!. Нет, не может быть! Да ты... Ах, ты девочка, моя милая!.. Да ты еще совсем...

И он пошел на штурм этой нежной крепости. Штурм есть штурм, она тотчас проснулась: неееет!

Он не слышал этого крика презрения и дрожащего страха.

- Нееееееет!

Он оглох!

- Мне же больно...

Ее бунт его теперь мало трогал:

- Я счас, потерпи...

Это было настоящее умопомрачение, шок, амок... У него помутился разум, и он ринулся сквозь нее, не разбирая дороги, напролом, как разъяренный слон, разрушая все на своем пути... Ревность? Нет. Ревность так не лечится. Это была обложная осада и потом невиданной силы и ярости штурм ее целомудрия!

У него хватило сил и носорожьего норова победить ее, непобедимую. Он взял ее силой на какой-то шкуре какого-то козла, когда они в пылу битвы свалились с постели...

- Теперь ты моя!

Он не мог в это поверить, но уже понимал: еще как моя! Он шалел. И шальной от счастья весь дрожал. Он чувствовал себя не только Аполлоном Бельведерским, но самим Александром Великим: чем я хуже?!. Вот и все твои зерна и амфоры, и все Аристо с Демисами Русисами и Гермесами, думал он... Теперь - ты моя!!! И ничья больше, понимаешь, ничья!

И она, дитя древнего мира, гордая дочь эллинов, приняла этот удар.

Когда все было кончено, он вдруг встал и за чем-то, не отрывая жадных губ от горлышка, вылакал полбутылки. Коньяк приятно разлился по жилам, размягчил его тело и мозг. Для этого он и прихватил его сюда: вдруг удастся ее подпоить...

Через пять минут он уже, победитель! сопел, счастливый и важный...

А она закрылась в ванной. А потом улеглась рядом с ним. Утром же ее рядом не оказалось. Он нашел ее на той самой горе... Она была в белом свадебном платье, вуаль фаты прикрывала глаза... Солнце радостно освещало ее, словно получив право Небес сделать ее еще прекрасней. Он просто ослеп. Он не мог поверить, что она теперь принадлежит только ему. Она была, как та Ника, развязывающая сандалию.

Ветерок ласково трепетал в ее белых одеждах, а взгляд ее глаз был устремлен в бесконечность. Так, видимо, Пенелопа высматривала своего Одиссея.

Он подошел, счастливый, она коротко на него посмотрела. Шепот волн доносился снизу.

Больше ничего не было слышно. Затем она прошептала:

- Что же ты сделал?..

Ее шепота он, счастливый, не мог расслышать. Он подошел поближе и стал рядом.

- Я – его невеста, - сказала она, - и его жду! А ты... ты, а не я нарушил мою клятву. Тебе и платить. За себя я отвечу сама. Я – его невеста, - повторила она.

На это он улыбнулся:

- А теперь - моя...

- Я – запечатанная. Это - Завет с Богом. Распечатать имеет право лишь тот, кто...

- Кто?..

- Зачем ты меня сюда привез?

- А ты не догадывалась?

- Как ты не поймешь - мы же поклялись.

Он тряс головой: не понимаю...

- Зачем же ты вырядилась?

- Чтобы он увидел...

- Да сними же ты это платье.

- Ладно.

- И фату

- Ладно...

Порыв ветра унес сначала фату, затем платье.

Она стояла совсем голая, Богиня! Воплощенная грация, она была само совершенство! И он просто ослеп. Блистательная и изящная, как та ее амфора, она была недосягаема для его рук и непостижима для его ума. Он потерял дар речи, затем, чтобы что-то сказать, произнес:

- Ты вся дрожишь...

- Да...

Когда он нашел ее на мокрых камнях, она была еще жива. Он взял ее на руки, она была без сознания... Вдруг открыла глаза. И, сделав усилие, попыталась улыбнуться.

- Вот видишь... - прошептали ее синие губы.

Он припал к ней всем телом, пытаясь согреть, она сжалась от боли. И он снова услышал ее шепот:

- Не надо...

Ей трудно было дышать.

- Ты одно должен знать, - сказала она, - ты не дал мне времени тебя полюбить.

- Я уже вызвал врача.

Она улыбнулась и согласно закрыла глаза. Он попытался было встать, но она испустила тихий стон страшной боли. И подняла ресницы.

- Не надо, - повторила она, - я не...

Ее губы еще тихо шептали:

- ...не нашла в тебе своего детства...

- Зачем, зачем же ты это сделала?..

- Когда он вернется сюда, ему камни расскажут...

Затем ее губы умолкли, и теперь говорили глаза.

«Ты не захотел этого понимать...»

Чистый взгляд ее был устремлен в чистое небо. Она пыталась еще что-то сказать, но вскоре и глаза замолчали.

Кроме ласкового плеска волн, ничто теперь тишины не нарушало. Он смотрел на нее, а она уже смотрела в небо, как в вечность. Был уже июль, двадцатый...

Вдруг он ясно услышал:

«Ты разбил ее, как ту амфору, и семя твоё не прорастет».

Он вздрогнул, оглянулся, никого рядом не было, и он догадался, чей это голос: с ним говорил его Бог. Ему хотелось заплакать, но не было слез. Он посмотрел на небо – оно было чисто и пусто, ни единого облачка. Но и Бога там не было. Он заплакал...

Прошел год. И уже в октябре он купил себе дом на окраине Рио. Чтобы видеть статую Хрис-

та. И стал каждый вечер усердно молиться. Он хотел забыть Настю, но время от времени она являлась ему то во сне, то в каком-то кино о Греции...

Настя – как пощечина!..

Книжку Дюрренматта как «Грек ищет гречанку» он как-то прихватил с собой, чтобы забыть на какой-то скамейке, и забыл, как себе и пообещал.

Свадьба с Ингой была назначена на семнадцатое... Он пригласил всех друзей, купил обручальные кольца, невесте – роскошное свадебное платье с немислимо умопомрачительным шлейфом...

А пятнадцатого в автокатастрофе осколком ветрового стекла ему отрезало...

Надо же!.. Как серпом!

Владимир Павлович Колотенко

Сколько помню себя, столько живу. Жизней моих сотни тысяч. Был я горным цветком, снегами Килиманджаро, подснежником, кораллами в глубинах морей, и стаей лебедей высоко в небе, ландышевой поляной, кучевыми облаками, распутившейся лилией, чаячьим пухом, невидимой стороной Луны, младенческим сном, стволом юной берёзы, призрачным кораблём мечты, молочным мороженым, жемчугом, снежинкой, айсбергом, и снова подснежником... Словом всем Белым-Белым ...

Нельзя себе представить, до чего же трудно быть невидимой стороной Луны. Ты – словно слепой! Ведь ни один человек тебя не видит! Ах, какое это было жуткое, но и упительное одиночество... До тех пор, пока на меня не ступила нога человека...

Моя мечта – стать хотя бы ремешком сандалиии Совершенства...

На Землю был занесен попутным ветром вместе с самой Жизнью, зерно дало всходы, я и до сих пор расту.

Живу в замке, в своей башенке из слоновой кости, висячем высоко над Землей. Дом мой славен тем, что на окнах решеток нет, а дверь – даже зимой нараспашку.

Тут тружусь, созерцая восхитительную руку Творца везде, где могу разглядеть её лучезарный след. И потом, под-

ражая, пишу свои опусы... Как Роден, создавая шедевры, брал кусок камня и отбрасывал лишнее, так и я, стремясь к совершенству, недостающее беру у Христа.

Наверное, я не очень добр... Зато надежен! Просьбы могут меня растрогать, угрозы же – делают равнодушным. И все, что меня не убивает, делает меня сильнее.

Дело моё - Ускользящая Красота. Я собираю её по росинке, по дуновению, по искорке, спешу запечатлеть её в грациозном естестве растворения из Великого Настоящего. Чтобы в Будущем не пропасть. А затем щедро дарю Её. Раздаю направо и налево, сыплю Ею как манной небесной в ладошки смеющимся детям, бродячим актёрам, путешественникам, первооткрывателям и всем-всем: на улицы, площади, парки, города и страны. Чтобы сиянием своим освещала Она пути тех, кто запутал в темноте, ища Свет и Любовь...

Могу еще заявить о себе: я потомок Шекспира. И повторить его слово в слово: «Все мерзостно, что вижу я вокруг...». Это касается моих соплеменников...

Да-да: «Зову я смерть, мне видеть нестерпим...»!)).

И ещё - звезды... Это я, я! (а вы как думали?!), это я зажигаю их по вечерам!

И если не я, то кто же? И если кто-то, то почему не я? А кому это еще нужно?

И так - изо дня в день, из ночи в ночь...

Сутками напролёт...

Годами...